

УДК 519.24

Плюйко Д.В., Трофимов А.В.

*Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург)*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

D. Plyuko, A. Trofimov

The Ural State University of Economics, Yekaterinburg

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SOCIAL CONFRONTATION DURING THE CIVIL WAR ON THE TERRITORY OF SIBERIA IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс становления и развития научных взглядов современных историков на проблемы социального противостояния периода Гражданской войны в Сибири. Авторы изучают концептуальные подходы и конкретные результаты исследований современных историков и анализируют влияние социально-экономических и политических сфер жизни общества на динамику применения насилия. В настоящее время оценка процессов социального противостояния приобретает особую значимость, так как позволяет выявить причины возникновения гражданских войн современности.

Ключевые слова: социальное противостояние, «белые» правительства, историография, террор, Гражданская война.

Abstract. The article dwells upon the process of establishment and development of the contemporary historians' scientific approach to the issues of social confrontation during the Civil War in Siberia. The authors analyze the conceptual approaches and the concrete results of the contemporary historians' researches. They analyze social-economic and political spheres influence on the violence dynamics. Today the assessment of social confrontation processes acquires particular importance as it helps to disclose the causes of the modern civil wars.

Key words: social confrontation, the "white" governments, historiography, terror, the Civil war.

Происходившие во второй половине 1980-х гг. в нашей стране «тектонические изломы и сдвиги» проявлялись во всех сферах общественной жизни. В исторической науке именно в это время появляются заметные «трещины» в «здании» советской историографической традиции, обнаруживаются «белые пятна» и «черные дыры» в сотканной к этому времени «ткани» исторического повествования, складываются условия для методологической, источниковой, историографической «революций». Особенно это касается тематики и проблематики отечественной истории XX в., в частности, происходит концептуальное переосмысление событий и возникают новые сюжетные линии, посвященные Гражданской войне. Многие исследователи Гражданской войны в Сибири, которые занимались тогда изучением процессов социального противостояния и сопутствующих им «белого» террора правительств «демократической» контрреволюции и адмирала А.В. Колчака, меняют традиционный для советской историографии стиль изложения и подачу фактического материала. Научные поиски происходят в непростых условиях обострения социальной напряженности, чреватой новыми потрясениями на рубеже 1980–1990-х гг., что актуализирует поиск в прошлом крупниц бесценного исторического опыта и рецептов, позволяющих избежать трагических ошибок, извлечь горькие уроки и не допустить повторения национальной катастрофы в результате глубоко-

---

© Плюйко Д.В., Трофимов А.В., 2012.

го социального противостояния, пережитого Россией в XX в.

После распада СССР сложились новые институциональные рамки для отечественной исторической науки, она становится многоконцептуальной, в ней стали сосуществовать различные (порой, полярные) тенденции. Одна часть историков постоянно инициировала процессы неприятия и отрицания всего массива трудов, созданных в русле советской историографии, поскольку написаны они были с политико-идеологических позиций победившей в Гражданской войне стороны, через призму которой рассматривались и оценивались события революционной эпохи. Другая часть современных исследователей, используя возможности, появившиеся с открытием недоступных ранее архивных фондов (пусть даже оказавшиеся весьма ограниченными), попыталась сопоставить интеллектуальный «багаж» советской историографии, созданный в «ненормальных», с точки зрения свободного развития науки, условиях, со ставшими доступными документальными источниками. В течение двух последних десятилетий историки, главным образом российские, сделали достоянием гласности широкий круг исторических источников и материалов, которые служат основой для уже опубликованных и еще ведущихся исследований. Некоторые темы из истории Гражданской войны оказались в центре наиболее пристального внимания. К ним следует, прежде всего, отнести тему «красного» террора, противостояния власти и крестьянства, а также тему механизмов принятия решений на высшем уровне у большевиков и «белых» правительств Сибири и Юга России. Благодаря усилиям А.Л. Литвина и В.И. Шишкина впервые были подведены количественные итоги потерь за весь период Гражданской войны [15; 26; 27; 28]. Российский исследователь В.П. Данилов и итальянский А. Грациози проанализировали характер противоречий между режимом власти Советов и крестьянством. Современные исследователи обратили также внимание на изучение теоретических аспектов в понимании феномена насилия пе-

риода Гражданской войны в целом и террора в частности [4; 5; 6].

Опубликованные в последние годы теоретические и конкретно-исторические работы позволяют осуществить историографический анализ с целью определить, что обуславливало эскалацию насилия и распространение террора на востоке России в условиях Гражданской войны, начиная с 1918 г., в чем специфичность этих явлений в Сибири.

Как известно, постоянными спутниками социального противостояния и основными методами подавления социальных конфликтов в период Гражданской войны являлись террор и политические репрессии. Эти взаимосвязанные и взаимообусловленные явления на уровне понятий прочно вошли в инструментарий гуманитарного знания (в частности, политологии) достаточно давно. Тогда как только в 1990-е гг. появились работы отечественных историков, которых интересовал вопрос о том, кто первый начал организацию террора и в какой степени несет за него ответственность, какая из сторон проводила его более масштабно и системно [7; 15; 19; 21]. По справедливому замечанию В.М. Рыноква, исследователи довольно подробно изучили лишь фактологическую сторону проблемы, но, к сожалению, не подошли к пониманию ее сущности [22, с. 59].

Обратившись к содержательной стороне понятий террора и политических репрессий, существующих в современном гуманитарном дискурсе, отметим, что, как правило, под террором понимаются либо насильственные действия экстремистских групп, выражающиеся в организации взрывов, поджогов и т. д., с целью запугать население города или страны, либо контролируемое насилие со стороны органов государственной власти с целью подавления в обществе любой оппозиции. Террор как контролируемое насилие власти рассматривала еще известный американский политолог Х. Арендт, занимаясь изучением тоталитарных режимов. Она пришла к выводу, что террор являлся своеобразным орудием осуществления тоталитарной законности [31]. Террор в условиях диктатуры, по

мнению Х. Арендт, выбирает свои жертвы безотносительно к их индивидуальным действиям и мыслям. Теряют всякий юридический смысл понятия вины и невинности, поэтому: «Евреи и кулаки обрекались на смерть не из-за своей способности что-то совершить или мыслить, а из-за того, кем они являются на самом деле» [31, с. 19].

Такая позиция широко используется в отечественной либеральной историографической традиции. П.А. Кабанов в связи с определением понятия террор использует термин «тоталитарная преступность» для обозначения преступной деятельности государства по отношению к населению [12]. Под тоталитарной преступностью он понимает «совокупность организованных уголовно наказуемых деяний, совершенных высшими должностными лицами государства, направленных на ущемление прав и свобод граждан, социальных, религиозных, этнических, национальных групп, политических партий с использованием насилия или угрозы его применения с помощью государственных институтов власти» [12, с. 363]. Все эти характеристики, по мнению П.А. Кабанова, вполне могут подходить для определения взаимоотношений между гражданином и властью партии большевиков, которая законодательно оформила свое право на насилие в различных сферах общественной жизни.

Для В.П. Емельянова, рассматривающего различные формы проявления политического террора, очевидно, что «понятие террор олицетворяет собой акции массового физического, психического, идеологического насилия, осуществляемого общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью над находящимся в их поле деятельности социальным контингентом» [8, с. 65].

Отметим, что вышеназванные точки зрения в большей мере касаются террора в условиях сформировавшейся диктатуры, но такими в полной мере не являлись ни «белые» правительства Сибири, ни большевики. В данном контексте важной проблемой является адекватное понимание собственного субъек-

тивного отношения и восприятия террора и репрессий государственными деятелями советской России и «белого» движения Сибири. Иначе трудно выяснить меру ответственности государства за распространение террора в стране. Для этого необходимо знать степень спланированности и организованности террористических и других репрессивных акций.

Партия большевиков первой употребила понятие террора, издав соответствующий декрет, где органами ВЧК санкционировалось проведение террора против приверженцев «белой» идеи. Антибольшевистские силы тоже издавали соответствующие указы, которые наделяли армию правом преследования оппозиции. Подчеркнем, что в годы Гражданской войны противоборствующие стороны объясняли свой террор как временную меру, необходимую для того, чтобы установить спокойствие в обществе, где полыхали острые социальные конфликты. Как «белые», так и «красные» часто обвиняли друг друга в том, что насильственные действия происходили или по прямому приказу руководства противника или при его попустительстве. Причем не учитывалось обстоятельство инициативы местных органов или вспышки насилия со стороны гражданского населения. Попытка объяснить террор социальным и моральным кризисом в обществе в период революции была предпринята В.П. Буддаковым. Он собрал выразительные свидетельства, позволившие выдвинуть и обосновать тезис об истероидно-параноидальном характере вспышки насилия [2].

Историк М. Левин, подводя итоги Гражданской войны в России, полагал, что террор как «красных», так и «белых» был деструктивной силой общества и использовался как средство «парализовать реальных и потенциальных врагов путем вселения в них страха» [14, с. 259]. По его мнению, кризис, который охватил все стороны жизни общества, нарушил человеческую психику настолько, что террористические действия воспринимались как обычное явление. Современные исследователи справедливо отмечают, что кроме

насилия «белой» или «красной» власти имело место и насилие так называемой третьей силы. На территории Сибири она была представлена атамановщиной, а на Украине и Юге России наиболее масштабно – махновщиной [29].

Важным для современной отечественной историографии является вопрос о восприятии событий Гражданской войны населением. Возникновение процессов социального противостояния в значительной степени зависело от осознания человеком своего места в расколе общества на противоборствующие лагеря. После прихода к власти большевиков символическое содержание Гражданской войны значительно расширилось. Она объединяла мифы о начале нового этапа истории, законном насилии, справедливой войне и о светлом коммунистическом будущем. Образы Гражданской войны «красных» и «белых» были поразительно сходны, являя собой полярно-зеркальное отражение. Представители обеих сторон социально-политического и идеологического конфликта безжалостно и бескомпромиссно раскалывали картину мира на силы добра и зла, славы и героизируя собственную партию и демонизируя противника. Различные представления о прошлом были радикально противопоставлены настоящему. Все воюющие партии объявляли Гражданскую войну народной и объявляли себя в качестве единственного представителя или трудящихся классов, или всей российской нации.

Итальянский историк А. Грациози высказал мысль о том, что в России после Первой мировой войны были невероятно обострены все социальные отношения [4]. Главное противоречие имело место между крестьянством как основной социальной группой и правящими классами. Крестьяне перестали платить налоги и начали черный передел земель, они сжигали и грабили помещичьи имения. В данном контексте это был большевизм крестьян-солдат и крестьян-рабочих, он (этот большевизм) был истинным, поскольку исходил не столько от главных идеологов этого политического направления, а от непосред-

ственных миллионов участников событий той эпохи, ежедневно творивших историю.

Важным направлением современной историографии Гражданской войны является тематика исследования процессов образования государства «белых» в Сибири. По оценкам современных историков, заметную роль в этом процессе играли факты насилия и террористических действий со стороны официальных органов власти.

Ключевыми работами по данной тематике стали труды С.П. Звягина, посвященные методам работы правоохранительных органов правительства Колчака [9; 10]. В них выявляется структура правоохранительных органов антибольшевистских правительств на востоке страны, определяется правовой статус данных органов, исследуется их место в системе власти. С.П. Звягин обращается также и к проблеме «белого» террора. Он, в частности, утверждает, что именно специфика судопроизводства времен Гражданской войны вызвала к жизни военно-полевые суды [9, с. 34]. Как известно, в советской историографии 1960–1980 гг. давалась негативная оценка деятельности этих судов. Звягин считает, что деятельность военно-полевых судов еще нуждается в специальном исследовании, тем не менее, первичный анализ позволяет поставить под сомнение традиционные оценки, дававшиеся советской историографией [9, с. 32]. По мнению С.П. Звягина, далеко не всегда военно-полевыми судами выносились смертные приговоры, среди подсудимых довольно часто были лица действительно виновные в воинских преступлениях. Вполне уместным, по мнению историка, было и создание таких судов, так как они были призваны бороться с подстрекательством большевиков в армии, поскольку известно, что именно различные агитаторы, в частности большевистские, постоянно создавали в военных частях обстановку социальной нетерпимости, подговаривая солдат перейти на свою сторону.

Еще один вид чрезвычайных органов власти «белых» правительств, по мнению С.П. Звягина, – это следственные комиссии. Задачами этих комиссий было расследование

причастности того или иного лица к антиправительственной деятельности. Причем следственные комиссии могли заниматься только поиском доказательств вины подозреваемого, тогда как судьбу лиц, задержанных комиссиями, должен был решать суд, сформированный Учредительным собранием. По оценкам советской историографии, следственные комиссии правительств «демократической контрреволюции» совершили массу ошибок, которые выразились в массовых казнях и арестах сторонников Советской власти [20, с. 213]. С.П. Звягин соглашается с этой точкой зрения и пишет, что причиной ареста в 80% случаев были подозрения в «большевизме» [9, с. 34]. Подозрения в связи с большевиками во время Гражданской войны трактовались весьма широко, под определение «связи с большевиками» мог подойти человек, который неисправно вносил плату за квартиру. Звягин указывает на факты незаконных расправ участников следственных комиссий над подозреваемыми. Подобных расправ, по мнению историка, было довольно много, и это позволяет говорить о существовании карательной тенденции в деятельности следственных комиссий. Данные карательные тенденции, как считает историк, могли свидетельствовать о том, что если правительства «демократической контрреволюции» пытались уйти от применения мер насилия и террора, то правительство адмирала Колчака прибегало к ним очень часто.

В монографии А.Я. Малыгина и М.М. Степанова рассматриваются некоторые особенности функционирования правоохранительных органов сил контрреволюции [16]. Авторы считают, что правительства «демократической контрреволюции» в Сибири испытывали большие сложности при организации судебного аппарата, что нашло свое отражение в плохом исполнении законов, повсеместном нарушении прав граждан. Приводя примеры многочисленных крестьянских выступлений в Западной Сибири, историки дают понять, что правительство адмирала Колчака вынуждено было ввести смертную казнь в прифронтовой полосе 14 сентября

1918 г. По их мнению, уголовная политика при Колчаке была ужесточена, это нашло свое отражение в нормативно-правовых актах правительства. Например, 11 февраля 1919 г. Совет министров принял постановление о предварительных и внесудебных арестах, по которому органы милиции могли задерживать любого человека на две недели по подозрению в антигосударственной деятельности и принадлежности к большевизму. К организованной преступности были отнесены все партизанские выступления. По мнению А.Я. Малыгина и М.М. Степанова, внесудебные репрессии были одной из основных причин поражения «белых» правительств Сибири в Гражданской войне. Данные репрессии были основным дестабилизирующим фактором жизни общества эпохи Гражданской войны. Но самое главное, по мысли исследователей, заключается в том, что «белые» правительства не делали кардинальных подвижек в направлении поиска согласия между основными противоборствующими сторонами.

Современными историками Гражданской войны была затронута важная тема мятежа чехословацкого корпуса. Известно, что солдаты и офицеры корпуса вызвали к жизни различные подпольные монархические организации, а также способствовали нагнетанию социального противостояния. Историческое исследование Б.Н. Недбайло и историографическое А.Н. Валиахметова, посвященные чехословацкому корпусу, выявили наиболее актуальные темы социального противостояния в Сибири [3; 18]. Одной из таких тем была роль военнослужащих чехословацкого корпуса в начавшихся военных действиях на территории Сибири. А.Н. Валиахметов особое внимание уделил творчеству первых советских историков. Он рассматривал его как научно-методологическую базу всех последующих научных изысканий. Анализируя взгляды ученых на проблему мятежа чехословацкого корпуса, историк выявил наличие как минимум трех точек зрения на эту проблему. По мнению А.Н. Валиахметова, эти представления можно представить следующим образом: 1. участие чехословацких военных в событиях

революции и Гражданской войны было абсолютно негативным, так как они использовали методы террора по отношению к гражданскому населению; 2. присутствие чехословацкого корпуса позволило «белым» правительствам на начальном этапе удержать внутривнутриполитическую ситуацию в Сибири от масштабного хаоса; 3. действия чехословацких военнослужащих имели свои положительные и отрицательные стороны [3, с. 17].

Проблемы социального противостояния были подняты историками, занимающимися историей сибирского казачества в период Гражданской войны. Исследования А.Е. Богущего, В.А. Шульдякова, В.В. Исаева и М.Г. Тарасова в полной мере показали, насколько серьезной была проблема социального выбора для сибирского казачества [2; 30; 11; 23].

В работе М.Г. Тарасова, посвященной истории казачества периода революции, раскрываются основные причины возникновения социального противостояния енисейского казачества, с одной стороны, и советской власти, с другой [23]. Основывая свое исследование на широком архивном материале, ученый приходит к мнению, что енисейское казачество, заинтересованное, во-первых, в сохранении за собой земельной собственности, выступило против попыток разоружения и расформирования Красноярского казачьего дивизиона. Во-вторых, стремясь сохранить за своими формированиями особый государственный статус, енисейское казачество вступило в острый конфликт с властью Советов. По его мнению, в годы Гражданской войны основная часть енисейских казаков не без оснований была убеждена в том, что в случае победы большевиков все их земельные наделы будут перераспределены в пользу крестьян. Именно поэтому на территории Енисейской губернии возник «острый социальный конфликт, сложившийся к 1917 г. между казачьим и крестьянским населением губернии и вызванный неравномерным распределением земельных наделов» [23, с. 12]. В силу расхождений по поводу земельных наделов в Енисейской губернии, казачество, по мысли М.Г. Тарасова, столь ожесточенно

в ходе всей Гражданской войны противостояло крестьянским партизанским отрядам. Не случайно поэтому, что «с установлением Советской власти на территории Енисейской губернии в начале 1920 г., положение оставшегося здесь казачьего населения резко ухудшилось» [23, с. 12]. Используя архивные фонды по истории деятельности большевистских карательных органов, исследователь констатирует, что «репрессии со стороны официальных органов и бывших партизан, зачастую выливались в прямой грабёж» [23, с. 14]. В свою очередь, практически полное политическое бесправие, а также тяжёлое экономическое положение привели енисейских казаков к массовому участию в повстанческом движении. Пик вооружённых антисоветских выступлений, по мнению М.Г. Тарасова, пришёлся на 1920–1922 гг., в ходе которых сибирское казачество как социальная группа практически прекратила свое существование.

Гражданскую войну как столкновение «двух диктатур» – большевистской и белогвардейской, рассматривает Г.А. Трукан. Анализируя методы проведения внутренней политики в годы Гражданской войны, он приходит к выводу, что политические режимы большевиков и всех «белых» правительств являлись почти идентичными. Идентичность политических режимов, по мысли Г.А. Трукана, обусловила их утопичность, и поэтому крушение представлялось неизбежным в силу того, что они пользовались одинаковыми мерами подавления гражданского населения. Ученый отмечает, что идеи насилия у коммунистов и белогвардейцев всегда преобладали над программами по установлению законности и правопорядка. Именно насилие, по мысли ученого, «усиливало и закрепляло тенденцию тоталитарного развития нашего общества в качестве наиболее вероятной альтернативы» [24, с. 23]. На этой основе Г.А. Трукан уравнивает «белых» с большевиками в ответственности за «чертополох сталинского тоталитаризма» [24, с. 25]. Вместе с тем, как отмечает автор в своем исследовании, несмотря на имевшее место недовольство политикой антибольшевистских правительств

и существующие противоречия в настроениях масс, «эти массы охотно уселись за стол, накрытый большевиками социалистической скатертью. Лидеры антибольшевизма потерпели поражение, пытаясь оторвать массы от этого стола» [25, с. 124]. «Стол», в понимании Г.А. Трукана, представляли собой лозунги об отмене мобилизаций и свободного распределения земли, то есть такие, которые сразу бы привлекали к себе внимание значительной в количественном отношении и заинтересованной в этом части населения.

В заключение отметим, что современные историки, обращаясь к проблемам понимания сущности террора и политических репрессий, сумели создать (относительно к советской историографической традиции) целостное представление о феномене насилия периода Гражданской войны. Насилие времен Гражданской войны в России, по мнению исследователей, во многом проистекало из комплекса оказавшихся непримиримыми социально-культурных, политико-идеологических, экономико-хозяйственных противоречий, разделивших политические лагеря, армии, обычные семьи, когда брат воевал с братом, а отец с сыном. Именно поэтому столь велики были физические и духовные потери России в период 1917–1922 гг. Отечественные и зарубежные историки, размышляя о терроре периода Гражданской войны в России, вышли на понимание его трагической специфики, проявившейся, в частности, в многовекторности террора, когда, помимо официальных государственных структур, его применяют и обычные граждане.

Отличительной чертой современной историографии Гражданской войны является устойчивый интерес к сибирскому казачеству [30; 11; 13; 17]. Причем исследователи, занимаясь изучением положения сибирского казачества в годы Гражданской войны, постоянно обращались к важному вопросу этой большой темы – раскрытию основных причин социальных противоречий, как в самой среде казачества, так и в реакции казачества на управленческие решения большевиков или «белых» правительств.

Кроме того, у современных исследователей заметным становится стремление разобраться в причинах проведения органами власти правительств «демократической» контрреволюции политических репрессий и террора, как средств необходимых для разрешения социальных противоречий. При объяснении причин проведения политики «белого» террора современные историки акцентируют внимание на чрезвычайном и диктаторском характере управления как единственно возможном в условиях Гражданской войны. Занимаясь сравнением политических режимов советской республики и «белых» правительств, современные историки приходят к выводу, что жесткие меры управления в противоборствующих лагерях были практически идентичными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богуцкий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: Автореф. дис. ... к.и.н. – Абакан, 2007. – 22 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – 350 с.
3. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография: Авт. дис. ... к.и.н. – Казань, 2005. – 23 с.
4. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933. – М., 2008. – 96 с.
5. Данилов В.П. Гражданское противостояние в России: сюжеты и итоги. – М., 2008. – 320 с.
6. Данилов В.П. Социальные отношения в годы Гражданской войны. – СПб, 2009. – 290 с.
7. Дзидоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. – Владикавказ, 2000. – 340 с.
8. Емельянов В.П. Терроризм как явление и как состав преступления. – Харьков, 1999. – 234 с.
9. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово, 2001. – 234 с.
10. Звягин С.П. Правоохранительная политика антибольшевистских сил на востоке России (1918–1922 гг.): Автореф. дис. ... д.и.н. – Кемерово, 2003. – 40 с.
11. Исаев В.В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне: Автореф. дис. ... к.и.н. – Барнаул, 2004. – 23 с.
12. Кабанов П.А. Тоталитарная преступность должностных лиц советского государства // Власть:

- криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2000. – С. 359-368.
13. Каминский Д. М. Хозяйство оренбургских казаков накануне и в годы новой экономической политики: Автореф. дис. ... к.и.н. – Челябинск, 1995.
  14. Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994. – С. 257-265.
  15. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М., 2004. – 235 с.
  16. Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. – М., 1998. – 310 с.
  17. Мамонов Ю.В. Казачество Урала в период революций 1917 года и Гражданской войны: военнополитическая деятельность и государственное строительство: Автореф. дис... д.и.н. – Курган, 2000. – 43 с.
  18. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование. – М., 2004. – 140 с.
  19. Петров Г.Н. Диалектика соотношения «красного», «белого» террора и террора интервентов в годы гражданской войны в России (1917–1920 гг.). – М., 2000. – 244 с.
  20. Роцевский П.И. Гражданская война в Зауралье. – Свердловск, 1966. – 197 с.
  21. Рыбаков А.М. Проблемы насилия и террора в Октябрьской революции и Гражданской войне: левоэсеровская альтернатива. – М., 1993. – 295 с.
  22. Рынков В.М. Государство, личность, массы: террор и насилие в годы гражданской войны // Государство и личность в истории России. – Новосибирск, 2004. – С. 55-64.
  23. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и в годы Гражданской войны. Автореф. дис... к.и.н. – Красноярск, 2010. – 23 с.
  24. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. – М., 2000. – 335 с.
  25. Трукан Г.А. Была ли альтернатива большевистской власти? // Кентавр. – 1993. – № 5. – С. 121-134.
  26. Шишкин В.И. Западно-сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 137-175.
  27. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://zaimka.ru/soviet/shishkin2.shtml>. (Последнее обращение 10.03.2012).
  28. Шишкин В.И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха [Электронный ресурс]. – URL: <http://zaimka.ru/white/shishkin1.shtml>. (Последнее обращение 10.03.2012).
  29. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Современные отечественные исследования. – Новосибирск, 2009. – С. 47-54.
  30. Шудьяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. Кн. 1-2. – М., 2004. – 445 с.
  31. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York, 1958. – 704 p.